

⁶⁵ РГАДА, ф. 210, оп. 1, д. 269, л. 569.

⁶⁶ Городские восстания... С. 111.

⁶⁷ *Андреев И.Л.* Алексей Михайлович. М., 2006. С. 64.

⁶⁸ *Пясецкий Г.* Исторические очерки города Ливен и его уезда в политическом, статистическом и церковном отношении. Орел, 1999. С. 122.

⁶⁹ РГАДА, ф. 210, оп. 1, д. 327; л. 36–38.

⁷⁰ Там же. л. 39–40.

⁷¹ Там же, д. 275, л. 326–328.

⁷² Там же, д. 268, л. 473.

⁷³ Там же, д. 567, л. 505.

⁷⁴ РГАДА, 1191, л. 53–120 об.

⁷⁵ Там же, л. 94, 116, 117. См. также: *Ляпин Д.А.* Дворянство Елецкого уезда в конце XVI–XVII веках. Елец, 2008. С. 193–200.

⁷⁶ РГАДА, ф. 210, оп. 1, д. 1837, л. 178–185.

⁷⁷ Там же, оп. 12, д. 478, л. 20–24.

⁷⁸ Там же, д. 327, л. 43.

⁷⁹ Там же, л. 462. Списков с десятины 1648 г. в Ельце не оказалось.

⁸⁰ РГАДА, ф. 210, Оп. 12, д. 1908, л. 33.

⁸¹ Там же, д. 333, л. 114–115 об. Ср.: Там же, д. 606, л. 34–35.

⁸² *Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М.* Россия после Смуты – время выбора // Отечественная история. 2008. № 5. С. 49.

© 2010 г. А. Ю. МИНАКОВ *

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ РУССКИХ КОНСЕРВАТОРОВ первой трети XIX века

Несмотря на очевидный и увеличивающийся с каждым годом рост интереса к истории русского консерватизма, подогреваемый политической конъюнктурой (на съезде в ноябре 2009 г. партия «Единая Россия» заявила о приверженности консервативной идеологии), экономические воззрения русских консерваторов первой трети XIX в. (Г.Р. Державина, Н.М. Карамзина, А.С. Шишкова, Ф.В. Ростопчина, С.Н. Глинки, А.С. Стурдзы, С.С. Уварова и др.) должным образом еще не исследованы. В то время русский консерватизм еще только начинал складываться в некую относительно стройную систему взглядов, и исследователь данной темы вынужден анализировать отдельные мнения, гораздо реже – публицистические статьи, заметки и проекты мыслителей, чьи убеждения можно классифицировать как консервативные. Сами они, как правило, не старались систематизировать свои идеи и зачастую не подозревали о существовании аналогичных подходов у других «консерваторов». Поэтому говорить о наличии некой целостной консервативной экономической доктрины в указанный период можно лишь с известной долей условности. К тому же русские консерваторы тех лет явно не считали экономические проблемы приоритетными (что является характерной особенностью большинства направлений русской консервативной мысли). Гораздо больше внимания они уделяли борьбе с галломанией, формированию программы «народного воспитания», осмыслению значения и роли самодержавия, отстаиванию интересов православной Церкви, борьбе с западноевропейским мистицизмом и масонством, политике в отношении цензуры и просвещения и т.д.

* *Минаков Аркадий Юрьевич*, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Воронежского государственного университета.

Позиции консерваторов определялись при этом отнюдь не абстрактными принципами, почерпнутыми из сочинений Э. Бёрка или Ж. де Местра, а необходимостью реагировать на конкретную политическую и экономическую ситуацию. Существенной особенностью экономического развития России первой трети XIX в. помимо аграрного характера экономики была крайняя узость потребительского рынка, вызванная преобладанием натурального хозяйства (крестьянского и помещичьего), обеспечивавшего себя почти всем необходимым. Во многом следствием этого являлась хроническая скудость финансовых средств и материальных ресурсов, необходимых империи, которая постоянно вела тяжелые войны, требовавшие колоссальных затрат. В этих условиях были неизбежны недоимки, периодически возникавший дефицит бюджета, острая потребность в иностранных займах, снижение курса бумажных денег¹. Несмотря на начавшийся во второй четверти XIX в. промышленный переворот, представление о том, что Россия – страна исключительно земледельческая, было тогда общепринятым². Соответственно и в размышлениях русских консерваторов об экономическом укладе империи аграрные отношения и крепостное право занимали центральное место³.

Одним из первых среди консерваторов сформулировал свою позицию по крестьянскому вопросу Г.Р. Державин, резко отрицательно оценивший указ о вольных хлебопашцах 1803 г.⁴ Державин владел несколькими имениями, насчитывавшими в общей сложности около 2 тыс. душ. Постоянно пребывая в долгах, он тем не менее, по словам В.С. Иконникова, «не позволял себе прибегать к суровым взысканиям с крестьян... заботился, чтобы повинности крестьян не были отяготительны... требовал, как чад, рабов любить». Державин «хлопотал об устройстве в имениях фабрик и заводов (полотняных заводов, винокуренных и конского) не с целью только прибыли, но чтобы приучить к тому, как для их пользы, так и для полезного изучения нового дела; поэтому он запрещал привлекать к тому насильно, но за плату, как чужим, так и своим крестьянам, настаивал на обучении грамоте (русскому языку, закону Божию, арифметике), церковному пению и музыке, посылал ноты и книги, необходимые для обучения и поучения в церкви»⁵. При этом он считал, что от освобождения крепостных крестьян «в нынешнем состоянии народного просвещения не выйдет... никакого блага государственного, а напротив того вред»: «чернь обратит свободу в своеволие и наделает много бед»⁶. Апеллируя к тому, что «хотя, по древним законам права владельцев на рабство крестьян нет, но политические виды, укрепив крестьян земле, тем самым ввели рабство в обычай», Державин подчеркивал: «Обычай сей, утвержденный временем, соделался столько священным, что прикоснуться к нему без вредных последствий великая потребна острожность»⁷. Ему представлялось, что помещики в качестве выкупа будут требовать слишком много, а крестьяне не смогут заплатить всю сумму сразу, в результате начнутся бесконечные судебные тяжбы из-за неустоек. К тому же крестьяне, получив свободу, перестанут исполнять повинности, а от этого пострадают интересы государства⁸. Однако при всей категоричности суждений, Державина сложно назвать последовательным «крепостником»: в одном из вариантов своего завещания он выразил желание, чтобы все его крепостные крестьяне были обращены в вольных хлебопашцев. Впрочем, согласно окончательному варианту завещания, после его смерти на волю следовало отпустить лишь нескольких дворовых людей⁹.

Взгляды Державина были типичны для основной массы консервативно настроенного дворянства. Несколько более сложный путь решения крестьянского вопроса указывал в своей журнальной публицистике первых лет XIX в. Н.М. Карамзин. Его взгляды именно в эти годы приобрели отчетливо консервативный характер¹⁰. Карамзин, как и Державин, придерживался патриархальных представлений, согласно которым помещик являлся отцом-покровителем крестьян, кровно заинтересованным в их нравственности и благосостоянии. Этот патернализм, с точки зрения Карамзина, служил залогом процветания и зажиточности крестьян. В случае же освобождения они неизбежно должны были разориться. Карамзин создавал образ добродетельного помещика, который «смотрел не только за своими, но и за крестьянскими полями: хотел, чтобы и те и другие были хорошо обработаны – и в ... деревне хлеб родился лучше, нежели во

многих других; господин богател, и земледельцы не беднели». Получив волю, эти же крестьяне станут «в волю лениться и предаваться гнусному пороку пьянства», и свобода может обратиться «в величайшее зло»¹¹. Пьянство Карамзин считал едва ли не самой серьезной причиной, мешающей крестьянам добиться зажиточного состояния: «Они все могли бы разбогатеть, если бы гибельная страсть к вину не разоряла многих, страсть, которая в России, особливо вокруг Москвы, делает по крайней мере, столько же зла, как в Северной Америке между дикими народами»¹². Он обращал особое внимание на то, что самыми богатыми крестьянами были старообрядцы, которые не пьянствовали¹³. Выход из нищеты и невежества для крепостных крестьян Карамзин видел в их просвещении. В 1793 г. он писал о невиданной даже в более поздние времена идиллии: «Просвещенный земледелец!... Я поставлю в пример многих швейцарских, английских и немецких поселян, которые пашут землю и собирают библиотеки; пашут землю и читают Гомера и живут так чисто, так хорошо, что музам и грациям не стыдно посещать их»¹⁴.

В начале XIX в. среди помещиков Центральной России возникла мода на «английских фермеров», на современную по тому времени земледельческую технику и технологии. Однако она быстро прошла, и вскоре земельные собственники «возвратились на старый, но проверенный путь – к усилению эксплуатации крестьян»¹⁵. Тем не менее осмысление этого «эксперимента» дало серьезный толчок русской консервативной мысли. Один из «экспериментаторов» Ф.В. Ростопчин опубликовал в 1806 г. брошюру «Плуг и соха», в которой критически оценивал возможности применения в русских условиях западноевропейской агрокультуры¹⁶. Ростопчин сурово осуждал некоторых помещиков за стремление ввести в своих поместьях модные нововведения: то, что «сделалось в других землях веками и от нужды, мы хотим посреди изобилия у себя завести за год ... по склонности к новостям, и в подражание чужестранным, по множеству перемен в одежде, в строении, в воспитании, даже и в образе мыслей»¹⁷.

«Русские англичане», полагали, что «удобрение полей, содержание большого скотоводства, превосходные семена, обширные поля, превращенные в огороды», приведут к товарному изобилию и к обогащению, как их самих, так и их крестьян¹⁸. Действительность же оказалась иной: обзаведение хозяйством нового типа потребовало от помещиков непомерно больших затрат¹⁹. По подсчетам Ростопчина, рентабельность даже образцовых хозяйств была крайне невелика: «Если бы в существующих уже теперь в России английских фермах те, кому они принадлежат, хотели вычислить поверней все издержки на заведение, содержание людей, скота, строений, орудий, жалованья иностранным, и прежний доход, тогда бы, пожертвуй самолюбием истине, признались, что едва получают два процента на сто за сию модную перемену сохи на плуг»²⁰. Английское зерно быстро утрачивало свои свойства в русских климатических условиях: «Превосходство семян иностранных есть заманка ... от сильного жара, короткого лета и скороспелости, через два посева делаются зерном не крупней наших»²¹. Размеры земельных участков в России были чрезвычайно велики в сравнении с площадями английских ферм, что также порождало существенные проблемы с их обработкой: «В Англии отделение земли, называемое фермою, очень велико, когда в 50 десятин, а многие есть и в 10... Как возможно все оное число успеть обработать, посеять, убрать и свозить? Любовники англинского земледелия забывают всегда одно, что у нас и соха действует с конца апреля до конца августа»²².

Немаловажное значение имело и отсутствие квалифицированных специалистов. «При англинском земледелии, – отмечал Ростопчин, – должно непременно иметь англичанина и для смотрения. Сколь не трудно сыскать способных, знающих свое дело, не ветреных, деятельных и не падких на деньги; но полагая и сие возможным, всякое заведение сего рода не пойдет в ход, если господин сам не станет жить в том месте по крайней мере семь месяцев в году, дабы охранить иностранцев от насмешек, от происков, от хитростей, а иногда и от побоев. Но со всем тем первые два года пользы ждать не можно, потому что смотрители, не зная языка, не в состоянии ни толковать, ни приказывать порядочно; а когда они начнут хорошо говорить по-русски, работники

привыкнут к новой пашне, поля начнут приходить в порядок, тогда-то, заведший английскую пашню сделается совершенно сам из господина прикащиком англинского своего фермера и должен будет непременно решиться или ему угождать, или спустя видеть разрушение целого заведения с потерей времени и знатной суммы денег»²³. В своем трактате Ростопчин сформулировал признаки, которые, по его мнению, отличали русского крепостного и государственного крестьянина от западноевропейского фермера: «Фармер в Англии не что иное, как содержатель некоторой части земли, кою он нанимает, обрабатывает, и тем содержит себя и всю семью... Следственно фармер не есть крестьянин, а временный хозяин участка земли. Русской же мужик имеет казенный собственную землю, а помещичий определенную, с коей они платят повинности и до-стают себе содержание, обрабатывая все своею семьею»²⁴.

Положение крепостного крестьянина имело, с точки зрения Ростопчина, непреходящие достоинства. Так, он утверждал, что Россия не знала, что такое голод, и уверял, будто крепостной крестьянин почти идеально защищен от разного рода невзгод благодаря постоянному попечению со стороны помещиков и общинной взаимопомощи²⁵. Если же в России нищета и существовала, то исключительно в силу порочности человеческой натуры: «В Англии множество людей без пропитания ... у нас же во всяком крестьянском доме есть скот, птица, овощ и хлеб, в коем от старшего в семье до малого ребенка всякой имеет равное участие. Если в казенном селении обедняет мужик, то ему помогают миром. Помещичий же столь уверен в помощи барской, что многие ленятся от сего работать на себя, а чаще пропив хлеб, идут на господский двор просить оного. В таком случае и во всех тех, где крестьянин имеет нужду в помощи, он всегда оную находит, и помещики точно делаются для них отцами, большая часть по человечеству, некоторая по расчету; но из сего равно выходит то, что с голоду у нас люди не мрут»²⁶. Ростопчин привел аргументы в защиту черных изб и черного хлеба, как исконных атрибутов русской крестьянской жизни: «Иностранные маратели бумаг с ужасом кричат 200 лет в один голос, что народ наш живет в черных избах и ест черной хлеб; а того ни один еще не заметил, сколь нужно топить избу в зимнее время, что дым чистит воздух, истребляя испарения; что наши солдаты в походах, где они имели белой пшеничной хлеб, иногда приходили просить у начальников черного ржаного»²⁷.

Главный же довод Ростопчина против введения западноевропейских новшеств заключался в том, что они, по сути, отторгались всей системой крепостного хозяйства. Так, сложившаяся структура крайне низких цен на сельскохозяйственную продукцию и ее повсеместный избыток в крестьянской стране сами по себе исключали широкое внедрение фермерского хозяйства, делали его ненужной и дорогой помещичьей забавой: «Ежегодный ее (России. – *А.М.*) хлебный урожай достаточен не только на собственное продовольствие, но и на содержание других земель ... в половине почти России ржи, овсу, ячменю и сену нет совсем цены. Рожь сеется для собственного продовольствия, овес для своих лошадей, сено косится, сколько нужно для скота, ячмень для птиц, свиней и для дурного к празднику пива»²⁸.

В этих условиях, если и имело смысл заводить фермерское хозяйство, то исключительно вблизи столиц, для удобства их снабжения овощами, да и то со значительными оговорками: «Два или три подобных англинских заведений унижат на овощь до того цену, что не будет хозяину никакой прибыли, точно так, как в Москве нашлось от множества оранжерей с плодами»²⁹. На более же далеком от столиц расстоянии подобные хозяйства будут не просто нерентабельными, но и разорительными для помещиков и крайне обременительными для крепостных крестьян, поскольку резко увеличат уровень их эксплуатации: «Что там делать с дятлиной (клевером. – *А.М.*) где избыточно сена с овощами, коих никто не купит, и с большим урожаем коего убрать некогда и продать негде? На что искать излишнего при большом изобилии? Какая надобность сеять хлеб для птиц, для мышей, и чтоб он гнил в поле? Какой расчет в издержках, когда на хлеб и на мясо нет цен? Можно ли, не показав крестьянину очевидной пользы, решить его переменить вдруг образ его жизни и работу?... Когда у него земля без удобрения родит во многих местах в 10 раз, и он выработывает в 24 дни годовое свое содержа-

ние, на что и так трудную крестьянскую работу обращать в египетскую? Какая нужда переобразовать русского пахаря в английские и делать новое прибавление к Овидиевым превращениям»³⁰.

Ростопчин, будучи вполне эффективным хозяином для своего времени, отмечал, что положительный эффект в русских условиях может принести внедрение лишь некоторых западноевропейских сельскохозяйственных орудий, например, молотилки и плуга³¹. В целом же, по мнению Ростопчина, западноевропейские новшества скорее вредны, чем полезны, и являются легкомысленной модой русских помещиков, входящей «в число забав, свойственных богатству и роскоши, потому что от нее не более пользы, чем от роговой музыки, английского сада, скаковых лошадей, коллонад с фронтонами, посовой охоты и крепостного театра»³².

Надо полагать, что подобные оценки были в той или иной мере убедительны для сознания значительной части консервативно настроенных дворян-помещиков вплоть до 1861 г. Факторы, которые их обусловили, – относительная дешевизна сельскохозяйственной продукции в крестьянской стране, распространенность натурального хозяйства, узость внутреннего рынка – сохранялись очень долго. Ростопчин одним из первых заговорил о том, что русское сельское хозяйство должно развиваться с учетом гео-климатических и исторических особенностей России. Конечно, в этом Ростопчин был отнюдь не одинок, его единомышленником был известный поэт и драматург И.А. Крылов, который, по словам Н.С. Тихонравова, «по самой природе своей не терпевший теории, не чужд подобного же взгляда на английское хлебопашество, хотя он, разумеется, и не думал об опытах, а просто преследовал его как иноземщину... В произведениях Ростопчина и баснописца попадает очень много общих черт и в самом взгляде их на дело много общего... в комедиях Крылова осмеиваются те же стороны русского общества, которые преследует и автор “Мыслей вслух на Красном крыльце”»³³.

В 1811 г. была опубликована на русском языке работа польского графа В. Стройновского «О условиях помещиков с крестьянами». В ней предлагалось произвести личное безземельное освобождение крестьян на основе добровольных договоров по взаимному согласию обеих сторон и с соблюдением интересов государства, землевладельцев и крестьян³⁴. Консерваторы получили весомый повод уточнить и публично высказать свои представления по крестьянскому вопросу. Откликом на книгу Стройновского стали «Замечания» Ростопчина. Главной мишенью своей критики последний избрал «вольность» или «свободу», которые он определял как «лестное, но не естественное для человека состояние, ибо жизнь наша есть беспрестанная зависимость от всего». Вольность же приводит к самовольству, непослушанию и восстанию против власти. Свобода «есть слово, пленяющее наши чувства обещанием независимости, и столько же опасно для человека и для общества, как прекрасные на взгляд плоды, содержащие в себе жестокий яд»³⁵.

Крепостное право, по словам Ростопчина, сложилось в России исторически: русские цари вынуждены были ликвидировать крестьянскую вольность, т.е. право переходить от одного хозяина к другому, поскольку «вольность обращалась в своеволие, производила расстройство имуществ помещичьих и разорение самих крестьян... вред ее – истина, доказанная опытами». Крепостной крестьянин, полагал он, «все имеет, пользуется собственностью, оставляет ее своим детям и располагает имением по своей воле». Помещичью произволу «препятствует человеколюбие, рассудок и закон, ибо разоряя крестьянина есть самый верный способ разорить себя». Кроме того, Ростопчин ссылался на екатерининское законодательство, согласно которому губернаторы получили право «отнимать власть у бесчеловечных помещиков, отдавая их в управление дворянской опеки»³⁶. Поэтому жестоких помещиков в России, по его мнению, было крайне мало.

Тезис об эффективности и предпочтительности свободного труда, составлявший главную идею книги Стройновского, «опровергался» Ростопчиным весьма своеобразно. Он настаивал на том, что «земледелие вольностию крестьян в России процвести не может, потому что русской крестьянин не любит хлебопашества и пренебрегает своим

состоянием, не видя в нем для себя пользы». Даже свободные государственные крестьяне, по утверждению Ростопчина, «едва имеют хлеб на пропитание от лени и дурного порядка в обрабатывании полей, истощая их безрассудно». Поэтому свободный труд всегда будет в России неэффективен. В итоге, Ростопчин фактически приходил к апологии подневольного труда: «Крестьянин к обрабатыванию земли и к приуготовлению чистого и хорошего хлеба должен быть доведен принуждением»³⁷.

Ростопчин предсказывал, что безземельное освобождение крестьян будет иметь многочисленные негативные последствия. Крестьяне захотят заниматься ремеслами и станут покидать свои хозяйства и семьи. Вдовы и бедные крестьяне останутся неженатыми, лишившись попечения помещиков. Все заведения, фабрики и заводы останутся за отсутствием рабочей силы и не имея возможности платить запрашиваемую работниками плату. Разорятся винные заводы, которые все почти помещичьи, что лишит казну существенного дохода. Осложнится сбор подушной подати, дворовые люди, ничего не умеющие делать, будут обречены на голодную смерть. Суды, состоящие из помещиков, в случае конфликтов между крестьянами и помещиками, будут решать дела в пользу помещиков. Между тем крестьяне вскоре впадут в новое рабство: «У них найдутся... богатые мужики, которые неприметным образом сделаются новыми помещиками, и станут заставлять работать бедных, давая им взаймы деньги и выговаривая вместо процентов работу, чем совершенно их закабалят»³⁸.

Впоследствии доводы Ростопчина едва ли не буквально повторил в своей «Записке о древней и новой России» Н.М. Карамзин. Исторически возникшее на Руси крепостное право представляло, по его мнению, «гордиев узел», поскольку лишь «одни вольные, Годуновым укрепленные за господами, земледельцы могут, по справедливости, требовать прежней свободы», выяснить же, кто из крестьян происходил от холопов, а кто от вольных, было уже практически невозможно. Карамзин был также солидарен с Ростопчиным и в том, что для пресечения произвола помещиков достаточно административных распоряжений: «Не лучше ли под рукою взять меры для обуздания господ жестоких? Они известны начальникам губерний»³⁹.

В своих размышлениях Карамзин признавал возможным только безземельное освобождение крестьян, так как земля, «в чем не может быть и спора, – есть собственность дворянская»⁴⁰. Как и почти все русские консерваторы той поры, он полагал, что «свобода» приведет к значительному увеличению эксплуатации крестьян, а «корыстолюбивые владельцы захотят взять с них все возможное для сил физических». Из-за свободы передвижения сократятся налоговые поступления: «Буде крестьянин ныне здесь, а завтра там, казна не потерпит ли убытка в сборе подушных денег и других податей? Не останутся ли многие поля не обработанными, многие житницы пустыми?». Вследствие упразднения вотчинной власти помещиков, «крестьяне начнут ссориться между собой и судиться в городе», «станут пьянствовать, злодействовать»⁴¹. Крестьянство, по мнению Карамзина, не было морально готово к освобождению: «Для твердости бытия государственного безопаснее поработить людей, нежели дать им не вовремя свободу, для которой надобно готовить человека исправлением нравственным, а система наших винных откупов и страшные успехи пьянства служат ли к тому спасительным приготовлением?»⁴². Именно представление о необходимости «нравственного исправления» крестьян отличало взгляды Карамзина от ростопчинских и формально, и по существу.

Известно, что С.С. Уваров во многом разделял взгляды Карамзина⁴³. Он исходил из того, что крепостное право было тесно связано с самодержавием, представляя как бы «две параллельные силы, кои развивались вместе», «у того и другого одно историческое начало; законность их одинакова». Поэтому, полагал он, к отмене крепостного права «должно приступать с величайшей осторожностью»: «это дерево пустило далеко корень, оно осеняет и Церковь, и престол. Вырвать его с корнем невозможно, надо постепенно. Довольно теперь пустить мысль эту в оборот, чтоб поколения приготовились постепенно к ее восприятию. Одно образование, просвещение может приготовить ее исполнение наилучшим образом»⁴⁴. Перспектива освобождения «непросвещенного» народа, лишенного основ правового сознания и уважения к чужой собственности, пу-

гала русских консерваторов и в николаевское царствование, когда большинство из них, подобно Уварову, были уже убеждены в необходимости создать условия для постепенной отмены крепостного права. Освобождение необходимо было подготовить, создав соответствующую систему образования, которая сделала бы крепостных крестьян законопослушными и просвещенными гражданами. Об этом и заботился Уваров, впрочем не вполне успешно.

Адмирала А.С. Шишкова традиционно и справедливо считают убежденным сторонником крепостного права⁴⁵. Известны слова, внесенные им в проект манифеста, изданного 30 августа 1814 г.: «Крестьяне, верный наш народ, да получают мзду свою от Бога»⁴⁶. В отличие от Ростопчина, Шишков не рассуждал о словесных экономических интересах. «Я стар, – писал он, – одержим болезнями, недолгий в здешнем свете гость; имение у меня самое малое; от рождения моего я не продавал и не покупал ничего. Итак, никакие виды или страсти не могут меня побуждать к защищению одной стороны больше, чем другой. Я говорю, как думаю, как мне кажется, горя единственно усердием к пользе и общему благу»⁴⁷. Однако он искренне считал крепостные порядки разумной и оптимальной формой социальных отношений, а помещиков – отцами-благодетелями для детей-крестьян.

В проекте манифеста 30 августа 1814 г. он утверждал от имени самодержца: «Мы уверены, что забота наша о их (помещичьих крестьян. – *А.М.*) благосостоянии предупредится попечением о них господ их. Существующая издавна между ими, на обоюдной пользе основанная, русским нравом и добродетелем свойственная связь, прежде и ныне многими опытами взаимного их друг к другу усердия и общей к отечеству любви ознаменованная, не оставляет в нас не малого сомнения, что, с одной стороны, помещики отеческою о них, яко о чадах своих, заботою, а с другой, они, яко усердные домочадцы, исполнением сыновней обязанности и долга, приведут себя в то счастливое состояние, в каком процветают добронравные и благополучные семейства»⁴⁸. Именно эта декларация вынудила Александра I заявить: «Я не могу подписать того, что противно моей совести и с чем я не мало не согласен». Либерального самодержца возмутила фраза, характеризующая отношения между крепостными крестьянами и помещиками как основанные «на обоюдной пользе». Шишков же, судя по его запискам, исходил из того, что «всякая связь между людьми, из которых одни повелевают, а другие повинуются, на сем токмо основании нравственна и благотворна; что самая вера и законы предписывают сие правило, и что помещики, не наблюдающие оного, лишаются власти управлять своими подчиненными»⁴⁹. Характерно, что Шишков патристично объяснял отрицательное отношение императора к его проекту тлетворным французским влиянием: «Сие несчастное государя предубеждение против крепостного в России права, против дворянства, и против всего прежнего устройства и порядка внушено в него было находившимся при нем французом Лагарпом и другими окружавшими его молодыми людьми, воспитанниками французов, отвращавшими глаза и сердце свое от одежды, от языка, от нравов и словом от всего русского»⁵⁰.

В октябре 1820 г. Шишков резко выступил против проекта закона о пресечении продажи дворовых людей и крестьян порознь и без земли, представленный Комиссией составления законов⁵¹. В своих возражениях он утверждал, что «данное в России над людьми право не есть ни беспредельное, ни насильственное, но огражденное законами, требующими, чтоб помещик сочетавал пользу свою с пользою своих подвластных, и купно с государственным благом, наблюдая между ими, как отец между детьми, благосостояние, порядок и устройство, в противном случае законы приемлют на него жалобы, отнимают от него власть и его самого наказуют»⁵². Иначе говоря, если помещики и допускают какие-либо злоупотребления против крестьян, то и наказывать их нужно за эти злоупотребления, но никак не ставить под сомнения сам принцип крепостного права. Ослабление власти помещиков над крестьянами могло привести, как ему казалось, к самым тяжелым последствиям: «Благо состоит в наблюдении правосудия, в равенстве каждого пред лицом закона, воспрещении сильному угнетать бессильных, а не в снятии с них должного повиновения и обузданности; ибо тогда, почувствовав силу

свою, они возложат иго на сильного и в неистовстве своем сами себе нанесут вред и погибель. Народ – есть река, текущая мирно в берегах своих; но умножь в ней воду, она выступит из пределов, и ничто не удержит ее свирепства. Благоденствие народа состоит в обузданности и повиновении. Божественное писание говорит: Повинуйтесь властям, начало премудрости страх Господень⁵³. Именно незабываемость крепостного права, по мысли Шишкова, являлась залогом стабильности и безопасности Российской империи в отличие от сотрясаемой революциями и войнами Западной Европы: «В то время, когда мы слышим и видим, что почти все европейские державы вокруг нас метутся и волнуются, наше благословенное отечество пребыло всегда и пребудет спокойно. Единодушный гром на восставшего врага, далеко простертые победы и внутренняя среди неустройств Европы тишина, не показывают ли, что оно больше благополучно, больше благоденствует, нежели все другие народы? Не есть ли это признак добродушия и не зараженной еще ни чем чистоты нравов? На что ж перемены в законах, перемены в обычаях, перемены в образе мыслей?... Мы явно видим над собой благодать Божию. Десница Вышнего хранит нас. Чего нам лучшего желать?»⁵⁴. Поэтому всякое публичное обсуждение возможности отмены крепостного права представлялось Шишкову опасным и вредным. Из-за этого «во многих местах крестьяне отлагались от повиновения своим помещикам, и тогда посылались воинские отряды для усмирения их»: «Отселе происходило, что с одной стороны слухами и разными внушениями поощрялись они к возставанию против господ, а с другой обуздывались силой оружия, наказаниями и ссылкой в Сибирь. Таким образом, новомыслие, вступаясь за человечество, отягощало оное бедствиями и обгадряло кровью!»⁵⁵.

В начале XIX в. консерваторы часто выступали в защиту земледелия и связанного с ним образа жизни, и не скрывали опасений, связанных с перспективами развития промышленности. К примеру, А.С. Стурдза одно время по нравственным и политическим соображениям возражал против роста мануфактур⁵⁶. В 1830-х гг. он развил теорию превосходства сельского образа жизни над городским. По его мнению, промышленность, торговля и города не имели, в отличие от земледелия, «постоянного, спасительного влияния... на судьбу, характер и нравственное развитие человечества»⁵⁷. Напротив, «земледельческая гражданственность» доминировала над «искусственным бытием, доставляемым одною торговлею»⁵⁸. Государства, основанные на земледелии, были, с его точки зрения, долговечнее и прочнее прочих, поскольку на земледелии «утверждается самобытность народов», а торговля и промышленность «могут занять в быту общественном не первое, но второе, подчиненное и, следовательно, условное лишь место»⁵⁹. В огромной степени зависящий от климата и погоды земледелец ближе к Богу, он чувствует над собою «десницу Всевышнего», учится смирению, «Страху Божию, покорности, младенческой вере и сыновнему упованию»⁶⁰. Земледелец – естественный патриот: «В народах, обреченных землепашеству, любовь к отечеству неискоренима»⁶¹. Россия же, с точки зрения Стурдзы, была одной из тех стран, которые, будучи преимущественно земледельческими, «приняли на сцене мира венец первенства нравственного, не подверженного быстрому увяданию и упадку, постигающему коммерческие государства»⁶².

Стурдза считал, что промышленность и торговля необходимы там, где земледелие не может прокормить население, только в этом случае «верховная власть, соображая обстоятельства времени и места, должна прибегнуть к заведению мануфактур, к усилению мореплавания или к правильной, зрело обдуманной системе повременных переселений»⁶³. Для городской цивилизации, по мнению Стурдзы, характерны «туманная атмосфера условного бытия», «яростное, мятежное состязание и злопамятство», «пагубное забвение близости Божией», «которыми обыкновенно заражены бывают сословия высшие, живущие в волшебном кругу вымышленных утонченных потребностей»⁶⁴. Он не жалел красок, чтобы описать «страдальческий образ жизни» «фабричного класса» в Англии, Франции, Голландии и Германии, приводивший его в «содрогание и ужас»⁶⁵. Но, как ему представлялось, «корень зла таится в самом образе жизни, в

свойствах изысканной, вынужденной промышленности, в ложном, донине господствующем убеждении, что торговая промышленность есть душа государств»⁶⁶.

Впрочем, подобная позиция представляла все же некую крайность и отнюдь не отражала настроения большинства русских консерваторов. Так, в восторженно-патриотическом тоне писал о необходимости развития русской промышленности в своем журнале «Русский вестник» С.Н. Глинка⁶⁷. «Промышленность, – указывал он, – есть истинный и неиссякаемый источник богатства. Какая страна способнее к сему России? Не в недрах ли ее заключаются несколько различных народов и многообразных климатов? Там истекает золото и серебро; там леса для сооружения флотов; здесь обширные степи и тучные пажити для скотоводства; там все привольности для заводов»⁶⁸. Ремесла, фабрики и мануфактуры должны были стать источником не только изобилия, но и просвещения: «С умножением фабрик и мануфактур сопряжена еще другая выгода: распространение просвещения... необходимого для благополучия человеческого. Где будут фабрики и мануфактуры, там без сомнения, учредятся и училища для первоначальных познаний... искусство писать, читать и числить»⁶⁹.

В отличие от Стурдзы, Глинка стремился показать несомненные достоинства промышленного производства и торговли. Так, рост мануфактур, начиная с эпохи Петра Великого, «праздношатающуюся нищету употребил в пользу, малолетним преграждал путь к разврату, взрослым доставлял труд и пропитание»⁷⁰. Проблему излишнего количества дворовых, которые «разорительны и для деревенского хозяйства, и для личного имущества» дворянам-помещикам, Глинка предлагал решать, отдавая «людей своих для научения ремеслам, художествам и искусствам, готовя таким образом для фабрик и мануфактур полезных людей»⁷¹. Развитие промышленного производства сулило только пользу и государству, которое получало возможность обеспечить снабжение армии оружием и сукном. Впоследствии, как ожидал Глинка, горожане «научатся лучше строиться и приобретут новые сведения к жизни выгодной и приятной», конкуренция возбудит «дух благородной деятельности», крестьянство получит дешевые орудия и инструменты и начнут «вместо гнусного порока, то есть пьянства... заниматься тем, что усовершенствует семейственную и гражданскую жизнь». В целом, развитие промышленности, по мнению Глинки, вело к нравственному усовершенствованию человеческого общества: «Прилежание, умеренность и трудолюбие животворят природу, превращают дикость и мрачность в виды прелестные для взора и души; одушевляют человека чувством его благородства и доставляют народам истинное понятие о счастье»⁷². Стимулом «к усовершенствованию искусств, ремесел и художеств» могли служить «ободрение, награды и уважение к трудам»⁷³. Глинка явно идеализировал последствия развития капиталистического производства, игнорируя или искренне не замечая его негативные стороны. Очевидно, к тому времени в России они проявились еще не столь остро, как на Западе.

Обычными для консерваторов начала XIX в. были призывы развивать собственную промышленность, ограничивая внешнюю торговлю в интересах производства внутри страны⁷⁴. Для них это было верным способом достичь состояния относительной экономической автаркии, «чтобы неприхотливое свое, заменяло прихотливое чужое», «чтобы свое не пропадало в своем отечестве»⁷⁵. При этом надо было «только отыскивать и совершенствовать все отрасли внутренней промышленности»⁷⁶. Естественно, что в основе таких предложений лежало стремление избавиться от реальной или мнимой зависимости от Европы и представление о способности России самостоятельно обеспечить все свои потребности. «То, что целая вселенная вмещает в отдельных пределах своих, – писал Глинка, – то она одна заключает в различных своих областях. К сохранению и приращению родных ее сокровищ нужны только рачение, усердие, опытность и убеждение, что Россия живет Россией»⁷⁷. Поскольку идеи протекционизма были отчасти реализованы в политике Николая I, в его лице консерваторам виделся, наряду с Петром Великим, «отец русской промышленности».

В консервативной публицистике часто осуждался разорительный для России импорт предметов роскоши, звучали даже призывы к «истреблению роскоши». Так, Глин-

ка приравнивал «выдумки моды» к «поддельным товарам»⁷⁸. Его единомышленником в этом отношении являлся Д.П. Рунич, считавший, что торговля естественна только тогда, когда представляет собой обмен товарами, необходимыми в повседневном обиходе, и категорически осуждавший торговлю предметами роскоши⁷⁹. Роскошь воспринималась Руничем как болезнь сердца и ума человека, который в силу греховной натуры стремится к плотским наслаждениям. Ее проникновение в Россию из Европы вместе с французскими нравами, модами и революционными идеями, грозило «общего гибелью и государствам, и народам»⁸⁰. Соответственно и промышленность должна была производить лишь самые необходимые для человека «продукты». Только учитывая столь своеобразные аскетические воззрения Рунича, сформировавшиеся под сильным влиянием масонства, можно адекватно понять его заявление: «Какой русский не обрадуется, обходя выставки отечественных произведений мануфактур»⁸¹.

При этом русские консерваторы вовсе не отрицали возможности заимствования с Запада «полезного» для российской экономики. «Заем полезного не есть обезьянство», и «умное подражание лучше неосновательных и затейливых вымыслов», полагал Глинка, ссылаясь на пример римлян, которые «заимствовали все полезное у соседних народов и потом, собственным оружием сих народов, побеждали и низлагали их»⁸². В частности, он призывал перенимать практику европейских торговых домов, чтобы «вековые торговые пользы переходили от одного поколения к другому, и чтобы вековые торговые дома служили всегда благотворным светильником для новых производителей отечественной промышленности и внутренней и внешней торговли»⁸³.

Консерваторы пытались внушить предпринимателям мысль о необходимости поставить свое дело на «нравственную почву» и руководствоваться прежде всего государственными интересами. Глинка развил учение о «нравственном основании купеческого сословия». «Отречение от личных выгод», «праводушие, добрая вера, совесть и честность», по мысли Глинки, «есть первое основание нравственности сословия купеческого», а «купец-гражданин есть первый удовлетворитель нужд общественных»⁸⁴. «Стыдно и упоминать, – добавлял он, – о той личной, о той ненасытной корысти, которая жадничая все захватить, мертва для себя и для общества»⁸⁵. Истинные «купцы-граждане» осторожны, расчетливы, «соображают даже и то, что может произойти, когда, по неизбежному жребию всем смертным, переходят они за пределы жизни», «страшится неустройства, они не хотят оставить семействам своим дел запутанных, или состояния, не укорененного трудом и не обеспеченного от долгов всепожирающих», «они передают детям своим в наследство свою правоту, свою честность и предохраняют потомство от неисправного платежа»⁸⁶. «Речь о нравственном основании купеческого сословия, силе внутренней промышленности и наследственных добродетелях российского купечества», произнесенная 11 июля 1827 г. членом Общества любителей коммерческих знаний Глинкой на торжественном акте в Московской практической коммерческой академии, имела явный успех, и «министр финансов, граф Егор Францевич Канкрин, поручил обществу изъявить от его лица сочинителю благодарность»⁸⁷.

Подведем итоги. Часть русских консерваторов первой трети XIX в., причем весьма влиятельная (Г.Р. Державин, Ф.В. Ростопчин, А.С. Шишков), решительно выступала против отмены крепостного права, мотивируя это тем, что крепостное право представляет органически сложившуюся в течение длительного времени часть самодержавной государственности и уклада народной жизни. С особой настойчивостью они указывали на предполагаемые негативные последствия освобождения крестьян (возможность социального взрыва, крах фискальной системы, появление в деревне нового эксплуататорского слоя, поголовное пьянство и т.д.). Более сложным было отношение к крестьянскому вопросу тех консерваторов, которые испытали при становлении своих взглядов известное влияние либеральных идей (Н.М. Карамзин, С.С. Уваров) и не отрицали того, что крепостное право, являясь социально-экономическим и моральным злом, в перспективе должно исчезнуть из русской жизни. Однако в сложившейся ситуации они предлагали воздержаться от каких-либо серьезных изменений, поскольку отмена крепостного права должна была привести к обнищанию, как крестьянства, так и дворян-

ства и, в конечном счете, к социальной революции. Кроме того, логика консерваторов допускала возможность лишь безземельного освобождения крестьян и предусматривала постепенность осуществления столь радикального преобразования. Ему должно было предшествовать просвещение крестьян, формирование у них правового сознания и уважения к собственности.

Таким образом, некоторые ключевые идеи, например, необходимость просвещения крестьян, приоритет промышленного производства перед торговлей, экономическая автаркия и жесткий протекционизм, призывы к соблюдению нравственных принципов в экономической деятельности были присущи русской консервативной мысли уже на этапе ее становления. В рамках консервативной идеологии они были детально разработаны в более позднее время⁸⁸.

Примечания

¹ *Марней Л.П.* Финансовая политика России в первой четверти XIX века // Экономическая теория. Ежегодник: 2001. М., 2002; *Шацлло М.К.* Эволюция налоговой системы России в XIX веке // Экономическая история. Ежегодник: 2002. М., 2003.

² *Козлов С.А.* Аграрные традиции и новации в дореформенной России (центрально-черноземные губернии). М., 2002. С. 52.

³ Подробнее о воззрениях консерваторов на крестьянский вопрос см.: *Семевский В.И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII – первой половине XIX века. Т. 1. СПб., 1888; *Дружинин Н.М.* Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 1. М.; Л., 1946. Т. 2. М., 1958; *Предтеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М.; Л., 1957; *Миرونенко С.В.* Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989; *его же.* Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990; *Козлов С.А.* Указ. соч.

⁴ О взглядах и деятельности Г.Р. Державина см.: *Альшиуллер М.Г.* Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М., 2007; *Грот Я.К.* Жизнь Державина по его сочинениям, письмам и по историческим документам. СПб., 1880; *Коришнова Н.В.* Общественно-политические взгляды Г.Р. Державина // Сборник материалов научных конференций: «Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее», «Национальный вопрос в Европе в новое и новейшее время», «Правый консерватизм в России и Русском зарубежье в новое и новейшее время». Воронеж, 2005.

⁵ *Иконников В.С.* Г.Р. Державин в своей государственной и общественной деятельности. Пг.; Киев, 1917. С. 62–63.

⁶ Сочинения Державина. Т. VI. СПб., 1871. С. 816.

⁷ *Грот Я.К.* Указ. соч. С. 823.

⁸ *Державин Г.Р.* Записки М., 2000. С. 259.

⁹ *Грот Я.К.* Жизнь Державина. М., 1997. С. 662.

¹⁰ *Казаков Р.Б.* Крестьянство и власть в сочинениях Н.М. Карамзина: проблемы источниковедения // Народ и власть: Исторические источники и методы исследования: Материалы XVI научной конференции (Москва, 30–31 января 2004 г.). М., 2004. С. 87–98. См. также: *Дегтярева М.И.* Два кандидата на роль государственного идеолога: Ж. де Местр и Н.М. Карамзин // Исторические метаморфозы консерватизма. Пермь, 1998; *Ермашов Д.В., Шириняц А.А.* У истоков российского консерватизма: Н.М. Карамзин. М., 1999; *Кислягина Л.Г.* Формирование общественно-политических взглядов Карамзина. М., 1976; *Китаев В.А.* Николай Михайлович Карамзин // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 171–195; *Лотман Ю.М.* Карамзин. СПб., 1997; *Погодин М.П.* Н.М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. Ч. II. М., 1866; *Предтеченский А.В.* Указ. соч.; *Пытин А.Н.* Общественное движение в России при Александре I: Исторические очерки. СПб., 1908.

¹¹ Письмо сельского жителя // *Карамзин Н.М.* О древней и новой России: Избранная проза и публицистика. М., 2002. С. 218.

¹² Исторические воспоминания и замечания на пути к Троице и в сем монастыре // Там же. С. 341.

¹³ Путешествие вокруг Москвы: письмо первое из Коломны от 14 сентября // Там же. С. 359.

¹⁴ Нечто о науках, искусствах и просвещении // Там же. С. 187.

¹⁵ Козлов С.А. Указ. соч. С. 43.

¹⁶ О Ф.В. Ростопчине см.: Кизеветтер А.А. Исторические отклики. М., 1915; Горностаев М.В. Федор Васильевич Ростопчин // Против течения: Исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия. Воронеж, 2005. С. 113–141; Меццержакова А.О. Ф.В. Ростопчин: у основания консерватизма и национализма в России. Воронеж, 2007.

¹⁷ Плуг и соха, писанное степным дворянином. М., 1806. С. 5.

¹⁸ Там же. С. 6.

¹⁹ Там же. С. 25.

²⁰ Там же. С. 29.

²¹ Там же. С. 15.

²² Там же. С. 17–18.

²³ Там же. С. 26–27.

²⁴ Там же. С. 21–22.

²⁵ «Россия еще не знает, что такое настоящий голод, – писал Ростопчин, – а под сим названием разумеет иногда неурожай в некоторых губерниях, где в недородной год поселяне семь месяцев нуждаются продовольствием, но отнюдь не гибнут от голоду; ибо правительство и помещики всегда посещают на помощь к страждущим» (Там же. С. 7).

²⁶ Там же. С. 23–24.

²⁷ Там же. С. 20.

²⁸ Там же. С. 7–8.

²⁹ Там же. С. 41.

³⁰ Там же. С. 27–28.

³¹ Там же. С. 41, 44.

³² Там же. С. 45.

³³ Тихонравов Н.С. Граф Ф.В. Ростопчин и литература в 1812 г. // Отечественные записки. 1854. № 7. Отд. II. С. 29–31. «Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева» – одно из основных политических произведений Ростопчина.

³⁴ См.: Семевский В.И. Указ. соч. С. 295–299.

³⁵ Замечание графа Ф.В. Ростопчина на книгу г-на Стройновского // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1860. Кн. 2. Пат. 5-я. С. 205–206.

³⁶ Там же. С. 207–210.

³⁷ Там же. С. 212.

³⁸ Там же. С. 213–216.

³⁹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М., 1991. С. 73–74.

⁴⁰ Там же. С. 71–72.

⁴¹ Там же. С. 72–73.

⁴² Там же. С. 73–74.

⁴³ О взглядах С.С. Уварова подробнее см.: Виттекер Ц.Х. Граф С.С. Уваров и его время. СПб., 1999; Шевченко М.М. Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003; *его же*. Сергей Семенович Уваров // Против течения. С. 344–411; *его же*. Записка С.С. Уварова о крепостном праве в России (1830–1831) // Русский сборник: исследования по истории России. Том II. М., 2006. С. 157–192; *его же*. С.С. Уваров в борьбе за новый курс внутренней политики России в 1826–1832 гг. // Петр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 303–318.

⁴⁴ Цит. по: Виттекер Ц.Х. Указ. соч. С. 119–120.

⁴⁵ О А.С. Шишкове см.: Алтшуллер М.Г. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. М., 2007; Минаков А.Ю. Франкобесие // Родина. 2002. № 8; Файнштейн М.Ш. «И славу Франции в России превзойти...»: Российская Академия (1783–1841) и развитие культуры и гуманитарных наук. М.; СПб., 2002; Martin A. Romanticism, Reformers, Reactionaries: Russian Conservative Thought and Politics in the Reign of Alexander I. DeKalb, 1997.

⁴⁶ Шишков А.С. Записки, мнения и переписка. Т. 1. Berlin, 1870. С. 306.

⁴⁷ Там же. Т. 2. Berlin, 1870. С. 131.

⁴⁸ Там же. Т. 1. С. 306–307.

⁴⁹ Там же. С. 308–309.

⁵⁰ Там же. С. 309.

⁵¹ Там же. Т. 2. С. 111.

⁵² Там же. С. 122–123.

⁵³ Там же. С. 128.

⁵⁴ Там же. С. 128–129.

⁵⁵ Там же. С. 133–134.

⁵⁶ Об А.С. Стурдза см.: *Мартин А. А.С.* Стурдза и Священный союз // Вопросы истории. 1994. № 11; *его же.* Александр Скарлатович Стурдза // Против течения. С. 308–343; *Лямина Е.* Новая Европа: Мнения «деятельного очевидца». А.С. Стурдза в политическом процессе 1810-х гг. // Россия/Russia. Культурные практики в идеологической перспективе: Россия, XVIII – начало XX века. Вып. 3(11). М.; Венеция, 1999; *Домникова Г.М.* Александр Скарлатович Стурдза (опыт характеристики) // Христианство и русская литература. Сб. 4. СПб., 2002; *Парсамов В.С.* Жозеф де Местр и Александр Стурдза: Из истории религиозных идей Александровской эпохи. Саратов, 2004; *Martin A.M.* Op. cit.; *Chervas S. Alexandre Stourdza (1791–1854). Un intellectual orthodoxe face à l'Occident.* Genève, 1999.

⁵⁷ *Стурдза А.С.* О влиянии земледельческих занятий на умственное и нравственное состояние народов. Одесса, 1834. С. 155.

⁵⁸ Там же. С. 158.

⁵⁹ Там же. С. 163.

⁶⁰ Там же. С. 164–165.

⁶¹ Там же. С. 169.

⁶² Там же. С. 159.

⁶³ Там же. С. 161.

⁶⁴ Там же. С. 165.

⁶⁵ Там же. С. 166.

⁶⁶ Там же. С. 167.

⁶⁷ О С.Н. Глинке см.: *Киселева Л.Н.* Система взглядов С.Н. Глинки (1807–1812 гг.) // Ученые записки Тартуского университета. Вып. 513. Тарту, 1981; *Мартин А.* «Патриархальная» модель общественного устройства и проблемы русской национальной самобытности в «Русском вестнике» С.Н. Глинки (1808–1812) // Консерватизм в России и мире. Ч. 1. Воронеж, 2004; *Володина Т.А.* Сергей Николаевич Глинка // Против течения... С. 142–170; *Walker F.A.* Reaction and Radicalism in the Russia of Tsar Alexander I: The Case of the Brothers Glinka // Canadian slavonic papers. Vol. XXI. № 4. Dec. 1979.

⁶⁸ [*Глинка С.Н.*] О пользе в России ремесел, художеств и искусств // Русский вестник. 1808. № 3. С. 312.

⁶⁹ Там же. С. 308.

⁷⁰ Там же. С. 305.

⁷¹ Там же. С. 306.

⁷² Там же. С. 309–311.

⁷³ Там же. С. 314; [*Глинка С.Н.*] О промышленности отечественной // Русский вестник. 1810. № 3. С. 83.

⁷⁴ Консерваторы высказывали и другие точки зрения. Так, Карамзин до 1812 г. выступал за свободу торговли и невмешательство государства в частную жизнь (История экономической мысли в России. М., 1996. С. 36–37). Впрочем, в условиях, когда Россия была вынуждена примкнуть к континентальной блокаде, требование свободы торговли для консерваторов было более чем естественным.

⁷⁵ *Глинка С.Н.* Мысли по случаю выставки в Москве изделий русской отечественной промышленности. М., 1831.

⁷⁶ Речь о нравственном основании купеческого сословия, силе внутренней промышленности и наследственных добродетелях российского купечества, читанная на торжественном акте после открытых испытаний в Московской практической коммерческой академии июля 11 дня 1827 года почетным членом состоящем при оной Академии Общества любителей коммерческих знаний С. Глинкою. М., 1827. С. 4.

⁷⁷ Там же. С. 13.

⁷⁸ [*Глинка С.Н.*] Отрывки о внутренней промышленности и о сношении оной с нравственностью // Русский вестник. 1811. № 1. С. 49. См. также: Путеводитель в Москве, изданный Сергеем Глинкою, сообразно французскому подлиннику Г. Леконта де Лаво, с некоторыми пересочиненными и дополненными статьями. М., 1824. С. 309. Позже позиция Глинки несколько смягчилась. Он признал, что может быть и «роскошь полезная», т.е. приносящая прибыль внутреннему производителю. «Такая отечественная роскошь, – полагал он, – питает соотечественников, оживляет промышленность и способствует ходу и обращению денег. Следственно, умерен-

ное действие сей внутренней роскоши, существующей своими избытками, своими изделиями и не передающей звонкую монету в чужие руки, действие такой роскоши нельзя назвать действием пагубным. Чего же желал Петр Великий? Того, чтобы Россия имела все свое. А потому, еще раз повторяю, если по нынешнему образованию роскошь необходима, то будем же иметь и свою роскошь. При непосредственном существовании внутренней роскоши, если одни и разорятся от прихотей тщеславных, зато подкрепится состояние сословия трудолюбивого» // Речь о нравственном основании купеческого сословия... С. 16.

⁷⁹ О Д.П. Руниче см.: *Азизова Е.Н.* Государственная и общественно-политическая деятельность Д.П. Рунича // Консерватизм в России и мире. Ч. 1. Воронеж, 2004. С. 143–170; *Кандаков Ю.Е.* Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб., 2005. С. 45–81; *Минаков А.Ю.* Опыт типологии течений в русском консерватизме первой четверти XIX в. // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 267–280; *Рождественский С.В.* Первоначальное образование Санкт-Петербургского университета 8 февраля 1819 г. и его ближайшая судьба. Пг., 1919; *Martin A.M.* Op. cit.

⁸⁰ РО ИРЛИ, ф. 263, оп. 1, д. 111, л. 8.–8 об.

⁸¹ Там же, л. 12 об.

⁸² Речь о нравственном основании купеческого сословия... С. 6.

⁸³ Там же. С. 7.

⁸⁴ Там же С. 2, 3.

⁸⁵ Там же. С. 3.

⁸⁶ Там же. С. 4–5.

⁸⁷ *Федоров Б.М.* Пятидесятилетие литературной жизни С.Н. Глинки. СПб., 1844. С. 17.

⁸⁸ См.: *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.

© 2010 г. Е. А. КРЕСТЬЯННИКОВ*

«ПОДПОЛЬНАЯ АДВОКАТУРА» И КОНСУЛЬТАЦИИ ПОВЕРЕННЫХ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ: из сибирского опыта

Возникновение самостоятельных адвокатских организаций стало естественным следствием судебной реформы 1864 г. Тогда же, одновременно с зарождением профессиональной легальной адвокатуры, предлагаемое иными лицами юридическое содействие приобрело характер незаконности («подпольности»). «Знахари юриспруденции», «аблакатура», «ходатаи по делам», «юриспруденты», «ходоки», «подпольная юриспруденция», «подпольная адвокатура» – так в Российской империи называли многочисленную, стихийно развивавшуюся, ничем не объединенную категорию лиц, малокомпетентных, незаконно оказывавших в корыстных и неблаговидных целях юридические услуги населению. Схватка между ними и квалифицированными юристами, возможно, особенно напряженно велась в Сибири, где Судебные уставы, утвержденные Александром II 20 ноября 1864 г., были введены лишь в 1897 г.¹ На протяжении нескольких десятилетий сквозь архаичные порядки проникали туда начала прогрессивного судебного строя, понемногу появлявшиеся деятельные и образованные юристы новой генерации погружались в среду реликтовой юстиции и были вынуждены бороться с ее пороками. Правительство зачастую не замечало

* **Крестьянников Евгений Адольфович**, кандидат исторических наук, доцент Тюменского государственного университета.

Исследование выполнено в рамках реализации ФЦН «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., контракт № П661 от 10.08.2009.